

Воспоминания йоркширского натуралиста (Продолжение)¹

У.К. Уильямсон

Глава II

Посещение Лондона. – Мурчисон. – Театры. – Возвращение домой. – Аптека Уэдделла. – Аптекарская работа. – Доставка лекарств. – Домашняя жизнь. – Уборка аптеки. – Счета врачей. – Развоз счетов по деревням. – Система обучения. – Стрельба и охота за растениями. – Пробуждение с помощью веревок. – Polytrichum на горе Оливера. – Мемуар о редких птицах. – Ископаемая флора. – Рисунок на кухонном столе. – Ботанические лекции Уэдделла. – Экскурсия по побережью. – Мемуар для Геологического общества. – Судьба этого мемуара. – Неверное представление господ Тейта и Блейка. – Охота за насекомыми. – Nebria livida. – Второе открытие Nebria livida. – Pomerine Skua.

В конце марта 1832 года я вернулся домой.

Однако мне были даны указания провести несколько дней в Лондоне и навестить старого друга моего отца, сэра Родерика Мурчисона, выдающегося геолога. Для меня это было священнодействием. Мурчисон, Седжвик, Лайель и Бёкланд² были божествами моего геологического Олимпа. Когда, будучи приглашенным на завтрак к великому человеку, я стоял на пороге его дома на Брайанстон-плейс, у меня едва хватило духу позвонить в дверь.

Хозяин и хозяйка приняли меня, однако, самым благожелательным образом. Леди Мурчисон была действительно одной из самых очаровательных женщин, и ее доброта ко мне, проявленная в тот раз, живо вспоминается мне до сих пор. Сэр Родерик повел меня в Музей Геологического общества, расположенный тогда в Сомерсет-хаусе, где я был представлен превосходному геологу, г-ну Лонсдейлу³, хранителю музея

и помощнику секретаря Общества. Мне было показано много интересных предметов, в особенности замечательное ископаемое, привезенное Мурчисоном из Энингена в Швейцарии, хорошо известное мне как ископаемая лиса. Идентификация таких ископаемых в те времена не была очень точной. Но я еще дома имел представление об этом образце, которое мой отец получил от его первооткрывателя вместе с литографией, сделанной по наброску леди Мурчисон, из альпийской долины, в которой он был найден. И теперь я стоял зачарованный, держа в своих руках оригинал, так часто являвшийся предметом моих геологических размышлений.

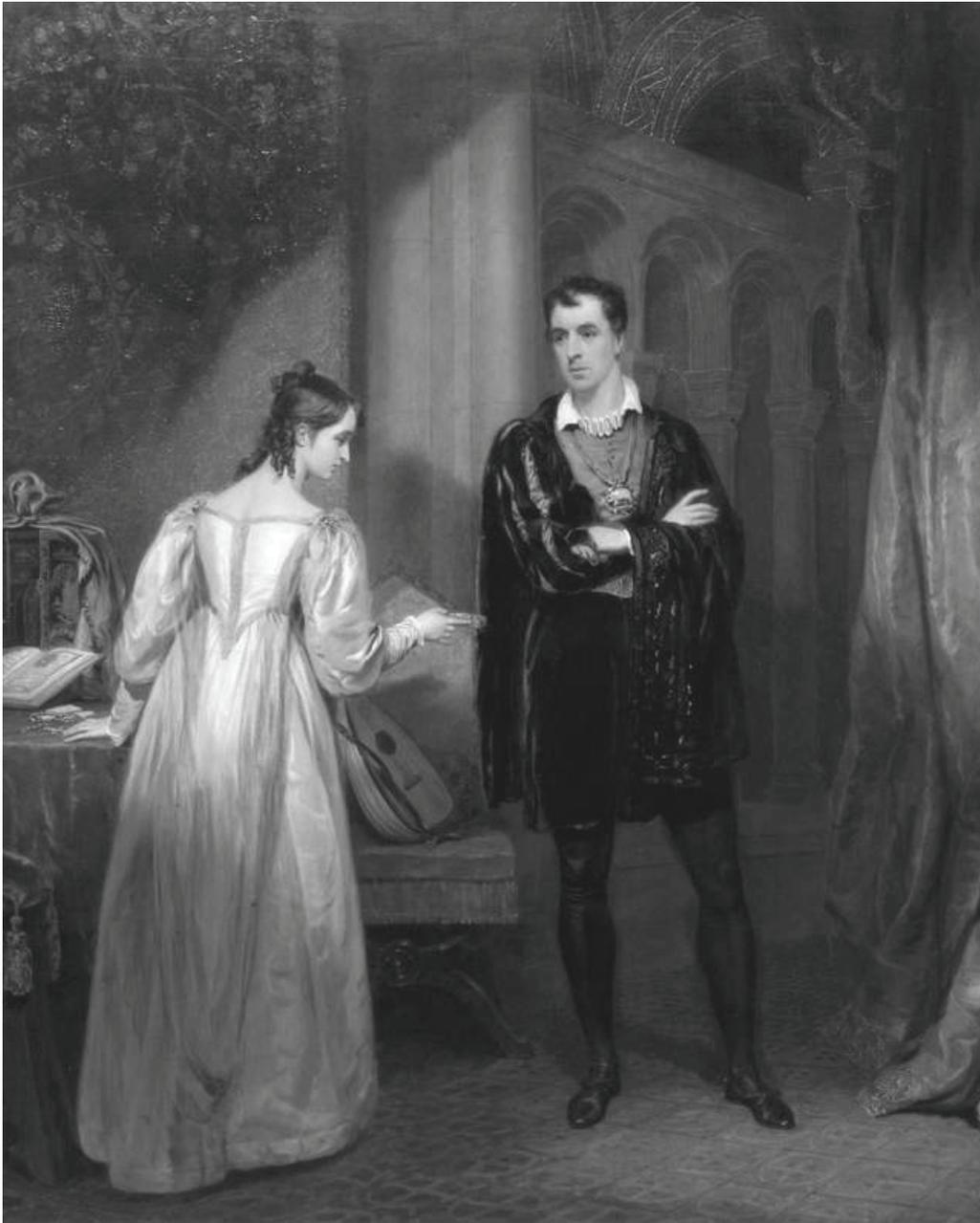
Другим событием в моей юной жизни стало знакомство с некоторыми лондонскими театрами. Я был с самого раннего детства научен тонкому пониманию актерской игры: несколько членов семьи моей матери были самостоятельными драматическими артистами отнюдь не урядного уровня. В Скарборо я видел Чарльза Янга в роли Гамлета, Кина-старшего в роли Ричарда III, Чарльза Кембла в роли Горбуна и Брэхема в роли Тома Боулинга. Теперь я лицезрел Листона в роли Пола Прая, Фанни Кембл во «Франциске Первом», мадам Тальони в «Танце теней» и мадам Вестрис в «Пробковой ноге». Я слышал, как Лаблаш пел «Любовный напиток»,

---

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 20. – С. 88–98.

² *Адам Седжвик* (1785–1873), *Чарльз Лайель* (1797–1875), *Уильям Бёкланд* (1784–1856) – выдающиеся британские геологи (*Ред.*).

³ *Уильям Лонсдейл* (1794–1871) – британский геолог и палеонтолог. Его исследования палеозойских кораллов Девоншира легли в основу выделения девонской системы (*Ред.*).

Сцена из спектакля «Гамлет» (1831 г.). В главной роли – Чарльз Янг

и, наконец, увидел О'Кифа в «Светской жизни под лестницей»⁴.

Добравшись до дома, я обнаружил, что все уже готово, чтобы устроить меня в качестве ученика к г-ну Томасу Уэдделлу, начинающему практикующему врачу в Скарборо. Непосредст-

⁴ Еще за полгода до своей кончины д-р Уильямсон получал немалое удовольствие, описывая эти постановки. По его мнению, ныне нет танцовщиц, сравнимых с теми, что были раньше, и даже Пол Прай в исполнении Тула не вполне равен тому, которого он знал тогда (*Прим. Э.К. Уильямсон*).

венные результаты этой договоренности имели различный характер: одни – хороший, другие – противоположный. В течение трех лет, которые я занимал это положение, произошли многие события, которые существенно повлияли на мою дальнейшую жизнь.

Между тем, условия жизни учеников, предназначенных к медицинской профессии, в провинциальных городах в начале века были столь отличны от существующих ныне, что я намереваюсь описать некоторые из них. Хотя бы для того, чтобы показать изучающим медицину сейчас, сколь велики преимущества, которыми они

пользуются, по сравнению с жизнью их собратьев полвека назад.

Попав в новую сферу, я познакомился со старшим учеником по имени Хоппер, сыном владельца известного в городе отеля «Белл».

День, когда я приступил к своим обязанностям, был особенно важен для событий, которые воспоследовали затем. Значительная часть дня прошла с большим пестиком и ступкой, с помощью которых различные медикаменты должны были быть раздроблены и растерты до такой степени, чтобы полученная масса могла быть пропущена через мелкое волосяное сито. Затем следовало приготовление настоев, для которых листья сенны, корни горечавки, лепестки розы и др. по отдельности помещались в горшочки, которые наполнялись кипятком и плотно закрывались.

В течение дня Гувернер, как обычно называли г-на Уэдделла, время от времени обращался в аптеку, чтобы заказать лекарства, которые нужны были немедленно. Но самое тяжелое время для работы начиналось около шести часов вечера, когда приступали к изготовлению лекарств на этот день. В те времена немногие пациенты, за исключением таких, которые жили в деревне и чьи визиты включали в себя наем лошади, платили за что-нибудь, выходящее за рамки стоимости полученных ими лекарств. В провинциальных городах среди второразрядных врачей общей практики плата за визиты была почти неизвестна.

Таким врачам-практикам платили за их услуги покупкой лекарств, которые должны были употребить их пациенты. Поскольку мой начальник имел очень большую практику среди среднего и низшего классов рыбацкого городка, каким был тогда Скарборо, смешивание капель и микстур, скатывание таблеток, растирание мазей и намазывание пластырей делали два-три часа после шести вечера очень напряженным временем. Даже когда все это было сделано, дневная работа не заканчивалась. В первый же вечер мне пришлось сопровождать старшего ученика в обходе города, когда мы раздавали упомянутые лекарства в домах пациентов, которым они были предназначены, — путешествие, из которого мы вернулись, только когда часы пробили десять.

Тогда я узнал еще один факт: наш Гувернер был холостяком, чья единственная служанка была фактически и экономкой и жила в большой уютной кухне, расположенной в подвале. Мы, ученики, завтракали, обедали и пили чай в столовой вместе с Гувернером; но вернувшись с об-

хода по распределению лекарств, я обнаружил, что по окончании всех работ вечера проводились в кухне с нашей экономкой-служанкой. Наша спальня находилась в мансарде в верхней части дома; что касается сна, то он был достаточно комфортным, но когда наступило утро, наступили и новые бытовые реалии. В нашей мансарде не было никакой уборной; для отправления этих потребностей мы должны были спуститься в подвал с кирпичным полом и пройти за кухню, где не только совершался наш туалет, но и вдобавок, как я обнаружил, мы должны были чистить собственные ботинки. Перед завтраком мы были также обязаны подмести пол в аптеке.

Второй день был в значительной степени повторением первого, за исключением того, что мое вчерашнее путешествие имело целью познакомиться меня с адресами всех пациентов; с тех пор я был утвержден в почетной должности рассыльного, вместо Хоппера, подавшего в отставку.

В доме были две гостиные, одна позади другой. Рядом с этими залами тянулся наружный крытый проход, ведущий на площадь, частично во двор, частично в задний сад, в котором находилась так называемая аптека. На полпути в этом коридоре находился вход в кухню, над которым с потолка свисала масляная лампа, и это была единственная лампа в вестибюле дома; поскольку путь в аптеку проходил под ней, уход за этой масляной лампой и ее чистка считались еще одной из разнообразных обязанностей ученика-медика. Приход субботы выявил дальнейшее расширение этих обязанностей. Все бутылки, банки и другие сосуды с лекарствами должны были быть сняты с полок, очищены и, если нужно, заполнены. А полки следовало протереть от пыли. При этом последняя обязанность вечером, после уборки всех беспорядочных следов дневной работы, заключалась в том, чтобы натереть прилавок пчелиным воском и скипидаром, для того чтобы он мог явить свое сияющее лицо в выходной день. Эту субботнюю вечернюю обязанность я выполнял еженедельно, без упущения, в течение всех трех лет, пока занимал свое место в аптеке.

Хотя, по сути, я был рассыльным, я не носил с собой традиционную «корзину»; поэтому пальто с переизбытком карманов было необходимой частью нашего снаряжения. Но такое одеяние было не вполне удачным; в нем были свои опасности. Не так уж редко молодые люди обоих полов, знакомые с нашими обязанностями, ухитрялись,

при удобном «случае», пока мы шли своей дорогой, грубо толкнуть нас в не всегда тщетной надежде разбить одну из бутылочек с лекарствами, которыми, как было известно, были набиты эти карманы.

Из такого образа действий нередко возникала и вторая трудность: время от времени, пока я наслаждался ужином и отдыхом, звон аптечного колокольчика объявлял, что какой-нибудь коробочек с таблетками или пакетик с порошками, обещанный Гувернером пациенту, еще не прибыл. Вероятно, он незаметно притаился на дне одного из моих многочисленных вместительных карманов. Иногда пропущенная доставка не обнаруживалась до тех пор, пока Гувернер не делал своего профессионального визита на следующий день. По его возвращении в аптеку нахмуренная бровь предвещала грозу, и взрыв обычно принимал такую форму: «Хм! Вы взялись за старое ремесло плетения корзин, сэр?» Мне не надо было повторять эту фразу много раз, чтобы я сразу же бросался обшаривать мои разнообразные карманы в поисках пропавшего порошка или пилюли.

Середина ноября принесла новую работу. В День Святого Мартина домашняя прислуга и работники ферм к востоку от Йоркшира нередко меняли свое место службы. А так как у нас было значительное число пациентов этого сословия, мы обязаны были проявлять бдительность, чтобы их «счета» доставлялись им до того, как они покидали свой временный дом и были потеряны нами из виду навсегда.

Эта ноябрьская работа со счетами была, однако, только пробным шаром к тому, что предстояло в декабре. В те дни длина докторского счета вошла в поговорку. В настоящее время пациент получает от своего врача вежливую записку с намеком: «Сумма за профессиональное участие»; а так как большая часть этого краткого сообщения изящно литографирована, работы по оформлению рождественского счета выполняются легко.

В мое время это было существенно иначе. В гробсбук записывались каждая таблетка, порошок или другое целительное средство, которые были доставлены пациенту в течение всего года; следовательно, когда семейство было одновременно большим и болезненным, длина счета оказывалась в буквальном смысле великой. Но длина была не единственным бедствием для нас, несчастных учеников. После добавления мелких пунктов, занимавших полколонки, результат, показанный в счете, не всегда соответствовал тому,

что был в гробсбук. В этих случаях все должно было быть перепроверено, чтобы узнать, откуда и почему появилось несоответствие; и поскольку это происходило, наверное, в одном длинном счете из каждых трех, дополнительный труд, таким образом, был нешуточным.

Но когда эта работа успешно завершалась и каждый счет лежал аккуратно сложенный, это был еще не конец. Даже разнос этих ежегодных счетов переходил к младшему ученику. Городские счета легко доходили до места назначения, но деревенские требовали более серьезных усилий. Для них были необходимы две поездки верхом, каждая на день. К несчастью, я не был хорошим наездником и потому, путешествуя из деревни в деревню, размышлял о том, сколько это путешествие еще продлится, пока моя лошадь и ее седок не разошлись во взглядах на свои обязанности. Таким образом, вопрос был решен. Когда в сумерках я покидал деревню Симер, по дороге в Айтун, мой скакун перекинул меня через свою голову и спокойно встал, презрительно глядя на меня, в то время как я лежал на спине в грязи.

Если вспомнить о том времени и обстоятельствах, многие из обязанностей, о которых я упоминал и которые в основном должны были выполняться рассыльным, становятся легко объяснимыми.

Г-н Уэдделл в свое время был химиком и аптекарем и пришел в профессию, когда Аптекарский закон 1815 года предоставил возможность для подобных людей стать обычными практикующими врачами.

Он, и ему подобные, принесли с собой на их новую стезю идеи, соединяющиеся с системой обучения розничной торговле в лавках. Обученные таким образом молодые люди, конечно же, должны были выполнять холопскую работу, и потребовалось время, чтобы установился более просвещенный порядок, подходящий для лучше образованной молодежи, которая вступала на медицинское поприще в более поздние времена.

И все же, хотя мы мало что узнали о нашей профессии, которую нельзя освоить за несколько недель в аптекарской лавке, три года «обучения медицине» в Скарборо прошли не без некоторых оправдывающих их обстоятельств. Последние заключались в обильных занятиях на свежем воздухе, которые я предпринимал отчасти вынужденно, отчасти по разрешению. В течение весенних и летних месяцев побережье к северу от Скарборо часто посещалось различными бекасами и другими болотными и водоплавающими

птицами. Сама Северная бухта была тогда гораздо более уединенным уголком, чем сейчас. Постройка причала и каменной набережной привела к исчезновению многих птиц, тогда несравненно более многочисленных, чем сейчас. Мы часто на рассвете выходили с нашими ружьями, и многие ценные птицы, все еще находящиеся в музее в Скарборо, были добыты во время этих ранних прогулок. В других случаях мы охотились за растениями. Я тогда собирал коллекцию растений Восточного Йоркшира, а также пытался освоить естественную классификацию, которая уже начинала вытеснять Линнеевский метод, тогда еще общепринятый.

Многие из наших лучших коллекционных площадок находились на значительном удалении, и мы часто начинали наше путешествие до рассвета; при этом нужно было преодолеть небольшую практическую трудность. Часто собираясь в путь вдвоем, нам далеко не всегда удавалось проснуться одновременно. Для этого мы изобрели одно средство: каждый из нас обзавелся длинной веревкой, один конец которой был обвязан вокруг запястья спящего, в то время как другой был выброшен из окна и до него мог дотянуться любой человек снаружи; таким образом, первый, кто поднялся, мог разбудить своего компаньона. Иногда проявлялась и комическая сторона нашей договоренности. Когда ни один из нас не просыпался в условленное время, обе веревки висели на фасаде наших домов, пока не приходили в движение соседские слуги; и они, зная о наших планах, энергично заботились о том, чтобы разбудить нас.

Одно такое утро стало для меня особенно интересным. Природа и функции тычинок и пестиков любого цветкового растения были тогда хорошо знакомы каждому студенту, но еще не были обнаружены органы со сходными функциями ни у одной из тайнобрачных форм растительности, и я питал честолюбивые надежды сделать это открытие. Отдыхая после продолжительной прогулки на гребне горы Оливера, я нашел неподалеку от себя прекрасный пучок хорошо известного мха *Polytrichum commune*. Исследовав некоторые из этих объектов с помощью карманной лупы, я обнаружил на верхушке каждого стебля прелестную маленькую чашечку, образованную из маленьких окрашенных листочков и выглядящую как мелкий цветок. Я задумался, не заключены ли в этой маленькой чашечке те органы, которые искали столь многие ботаники; и действительно, именно в ней они и были найде-

ны годы спустя Гофмейстером⁵, Унгером⁶ и их последователями. Я едва ли мог помыслить, что то, что я ищу, было фактически перед моими глазами; но органы размножения тайнобрачных совершенно отличаются по форме и внешнему виду от таковых цветковых растений, хотя функционально идентичны им. Были нужны усилия многих людей, приведенных на правильный путь Суминским⁷ и Гофмейстером, чтобы прояснить загадки, которыми был облечен сей предмет.

В начале своей ученической жизни я послал в Лондонское зоологическое общество памятную записку о редких птицах, обнаруженных в окрестностях Скарборо. Это была одна из самых ранних моих попыток составить научный мемуар, и все же некоторые из зафиксированных в нем фактов были впоследствии упомянуты Ярреллом⁸ в его «Истории британских птиц». Но вскоре я был призван к другой, более постоянной работе. До 30-х годов девятнадцатого века мало что было известно о растительности оолитового возраста⁹, но открытие небольшого захоронения растений в отложениях эстуария в Гристорпском заливе значительно расширило наши представления по этому вопросу. Всегда были дискуссии о том, какой вклад в это открытие внесли два кузена, Уильям Бин и мой отец; бесспорно только то, что последующее его развитие осуществлялось преимущественно ими обоими.

⁵ Вильгельм Фридрих Бенедикт Гофмейстер (1824–1877) – выдающийся немецкий ботаник, впервые провел детальные сравнительно-эмбриологические исследования всех групп споровых растений (Ред.).

⁶ Франц Йозеф Андреас Николаус Унгер (1800–1870) – знаменитый австрийский ботаник и палеоботаник, ему принадлежит открытие сперматозоидов у мхов (Ред.).

⁷ Михал Иероним Лецик-Суминский (1820–1898) – польский ботаник, первым описавший половой цикл у папоротника (Ред.).

⁸ Уильям Яррелл (1784–1856) – британский зоолог. Подготовленное им богато иллюстрированное издание «История британских птиц» (1837–1843) содержало самое полное на тот момент описание птиц Великобритании (Ред.).

⁹ Имеется в виду флора средне-позднеюрского возраста. У.К. Уильямсон здесь и далее пользуется стратиграфической схемой, согласно которой отложения Великобритании, соответствующие современной юрской системе, выделены в качестве двух серий: *лейас* (нижняя юра) и *оолит* (средняя и верхняя юра) (Ред.).

В марте 1832 началась публикация книги Линдли¹⁰ и Гёттона¹¹ «Ископаемая флора Великобритании»¹²; и вскоре после этого г-н Данн, тогдашний секретарь Литературного и философского общества Скарборо, получил письмо от г-на Гёттона, в котором он спрашивал, есть ли кто-нибудь в городе, способный изобразить и описать новые растения из отложений в Гристорпе. Г-н Данн принес мне это письмо и убедил меня взяться за эту задачу. Я так и сделал и вносил свой вклад на страницы этой книги почти столько же времени, сколько продолжали выпускаться ее ежеквартальные части. Наконец выпуск прекратился, потому что, как рассказал мне сам г-н Линдли, геологи не давали на эту работу той финансовой поддержки, на которую он рассчитывал, тогда как он, как ботаник, не чувствовал себя обязанным тратить свои деньги на публикацию, которая, в конце концов, была главным образом геологической. Что касается моих собственных работ для этого труда, некоторые палеонтологи, знакомые с его страницами, могут быть удивлены, узнав, что большинство моих рисунков были подготовлены на одном конце кухонного стола г-на Уэдделла, в то время как экономка занимала другой, занимаясь приготовлением обеда.

Но это было не единственное мое приглашение к новой ботанической деятельности. Г-н Уэдделл взялся читать лекции в Механическом институте о физиологии растений и попросил меня приготовить для него набор диаграмм, иллюстрирующих предмет. Мои собственные знания были тогда слишком малы, чтобы позволить сделать это, ничего не читая. В то время почти единственной популярной английской книгой по физиологии растений были «Беседы» миссис Марсе¹³; поэтому именно к этой доступной пуб-

Джон Линдли

Уильям Гёттон

¹⁰ *Джон Линдли* (1799–1865) – британский ботаник и садовод, профессор Лондонского университета, один из основоположников ботаники в Великобритании (Ред.).

¹¹ *Уильям Гёттон* (1797–1860) – британский геолог и палеонтолог (Ред.).

¹² *Lindley J., Hutton W. Fossil flora of Great Britain or figures and descriptions of the vegetable remains found in a fossil state in this country. Vol. 1–3. – L.: James Ridgway, 1831–1837* (Ред.).

¹³ *Джейн Марсе* (1769–1848) – британская писательница, автор учебников и популярных книг по различным отраслям естественных и общественных наук. Среди ее книг – «Беседы о физиологии растений» (1835) (Ред.).

Рисунок *Pecopteris dentata* Williamson из «Ископаемой флоры Великобритании», сделанный рукой У.К. Уильямсона

ликации я и обратился. Результатом стало приобретение вкуса, который я впоследствии никогда не терял.

Короткие каникулы, которые мы с отцом посвятили геологической экскурсии вдоль побережья, между заливом Робин Гуда и Скиннингрейвом, привели также к перманентным результатам.

Я довольно хорошо знал общие черты местности, в которой мы предполагали работать, а также взгляды Смита относительно идентификации каждой из крупнейших групп слоев с помощью окаменелостей, которые они содержат.

Наблюдения, сделанные во время этой экскурсии, показали мне, что в данном случае обобщения Смита охватили не все факты. Во время работы среди отложений верхнего лейаса, которые на йоркширском побережье состоят из трех очень отчетливых последовательных слоев,

я убедился, что окаменелости, характерные для этого подразделения, не были распределены беспорядочно по всей его толщине. Я обнаружил, что, хотя каждый из этих трех слоев хорошо выделялся по своей литологической структуре, различие стало гораздо более заметным, когда мы исследовали окаменелости, которые содержались в каждом из них. Так, ископаемая древесина, известная как гагат Уитби, с которой были знакомы даже римляне, почти целиком присутствует только в среднем из этих трех слоев, также я заметил, что многие другие ископаемые лейаса можно найти только в соответствующих им зонах.

Пораженный этими фактами, я приступил к исследованию береговых слоев между лейасом и корнбрашем¹⁴ и обнаружил здесь сходную ситуацию. Я изложил эти наблюдения в двух статьях, которые были зачитаны перед Лондонским геологическим обществом: одна об отложениях лейаса – 9 мая 1834 года, и другая о породах оолита – 2 ноября 1836 года. Эти два мемуара были в конечном счете объединены Обществом и опубликованы как единый мемуар в его «Трудах»¹⁵. Мы в скором времени увидим, почему это было сделано.

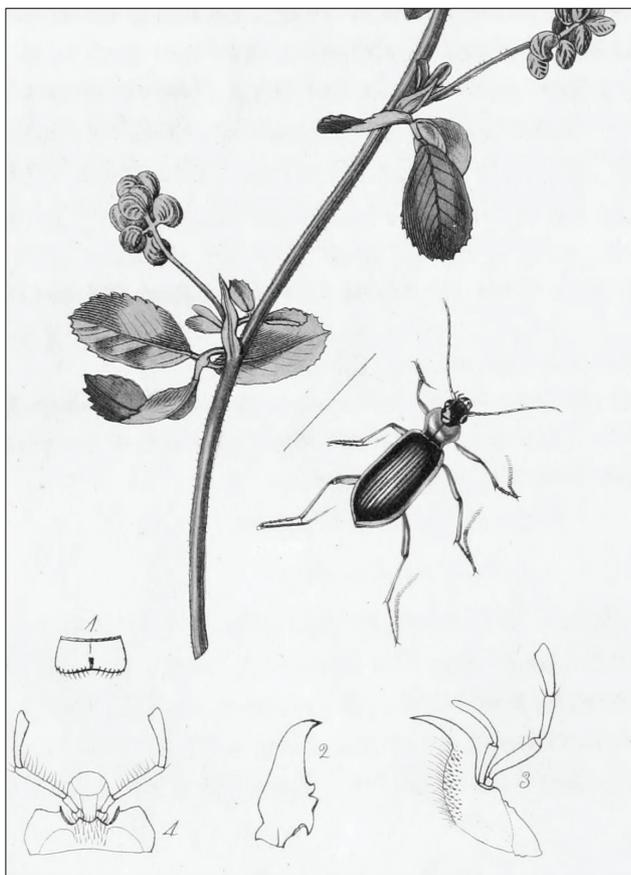
К концу 1836 года и почти одновременно с получением моего второго мемуара, короткая, но тщательно подготовленная статья г-на Льюиса Хантона¹⁶, до сих пор неизвестного автора, была переслана в Общество и вскоре после этого зачитана. Эта статья была озаглавлена: «Сопроводительные замечания о разрезе верхнего лейаса и глинистого известняка Йоркшира, показывающие ограниченное вертикальное распространение видов аммонитов и других Testaceae и их ценность как геологических критериев». В этом

¹⁴ Верхнее подразделение нижней части оолитовой серии на Британских островах (*Ped.*).

¹⁵ *Williamson W.C.* On the distribution of organic remains in the Lias Series of Yorkshire, with a view to facilitate its identification, by giving the situation of its fossils // *Proc. Geol. Soc. London.* – 1838. – Vol. II. – P. 82–83.

Williamson W.C. On the distribution of organic remains in the Oolitic Formations on the coast of Yorkshire // *Ibid.* – P. 429–432 (*Ped.*).

¹⁶ *Льюис Хантон* (1814–1838) – британский геолог и палеонтолог. Из-за своей ранней кончины успел опубликовать единственную статью – ту самую, о которой пишет У.К. Уильямсон. Однако, благодаря ей, его имя ныне стоит в ряду пионеров биостратиграфии (*Ped.*).

Изображение насекомого *Nebria livida* из книги Дж. Кёртиса «Британская энтомология»

мемуаре, очевидно, речь шла о части той серии слоев, которые были темой моей первой статьи, зачитанной два с половиной года назад. Автор, вероятно, ничего не знал о моем мемуаре, но пришел к тем же выводам, о которых я объявил в мае 1834 года.

Эта статья г-на Хантона была сразу же напечатана¹⁷, так же как и мое второе сообщение, но, как ни странно, последнее было добавлено к концу моей первой работы, которая лежала забытая в одном из ящиков для бумаг Общества. Не надо большого труда, чтобы понять, что произошло. В 1834 году, либо под влиянием президента, либо потому что Совет разделял его мнение о малой ценности моего сообщения, последнее было выброшено за борт как не заслуживающее опубликования.

¹⁷ *Hunton L.* Accompanying remarks to a section of the Upper Lias and Marlstone of Yorkshire, showing the limited vertical range of the species of Ammonites and other Testacea, with their value as geological tests // *Proc. Geol. Soc. London.* – 1838. – Vol. II. – P. 416–417 (*Ред.*).

Когда в 1836 году новый исследователь, не знающий, что было сделано мной, сообщил им о тех же наблюдениях, которые они ранее отказались признать за мной, они почувствовали себя обязанными опубликовать его статью и были вынуждены, по справедливости, опубликовать и мою тоже. Появление второй моей статьи дало им возможность для этого, и теперь самостоятельные произведения, Хантона и мои, стоят бок о бок в одном и том же томе «Трудов».

В 1876 году г-да Тейт¹⁸ и Блейк¹⁹ опубликовали свою работу о йоркширском лейасе²⁰, в которой не только подтвердили, но значительно расширили выводы, к которым я пришел в 1834 году. И здесь опять тривиальная вещь привела к непреднамеренной несправедливости по отношению ко мне со стороны Геологического общества. Печатая наши мемуары, Общество поместило имя г-на Хантона перед моим. Это создает впечатление, что из двух авторов идея г-на Хантона обладает приоритетом. Комментируя наши наблюдения на странице 6 своей работы, они [Тейт и Блейк] говорят:

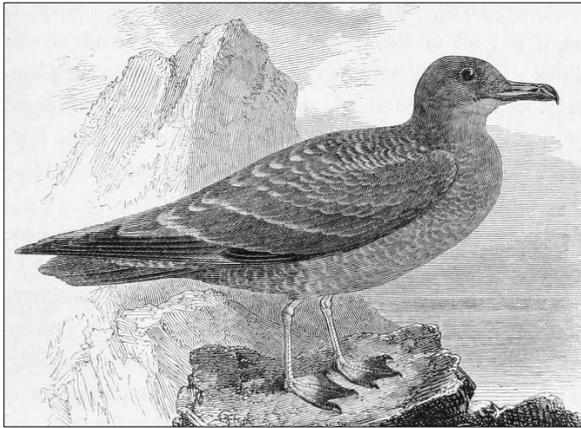
«В 1836 году, в томе V второй серии “Геологических трудов” опубликованы две статьи; первая Льюиса Хантона “Сопроводительные замечания о разрезе верхнего лейаса и глинистого известняка Йоркшира, показывающие ограниченное вертикальное распространение видов аммонитов и других Testacea и их ценность как геологических критериев”. Эта статья содержит очень ценную информацию о небольшой части серии и является первой попыткой сделать то, что мы предприняли в настоящей работе, а именно, определить место ископаемых в различных горизонтах. Во второй статье У.К. Уильямсона “О распространении ископаемых остатков на Йоркширском побережье” такая же работа претендует на весь лейас и аккуратно излагает легче полученные факты».

Г-да Тейт и Блейк, таким образом, отдают приоритет мистеру Хантону, тогда как я, как уже было показано, опередил его на два с половиной года.

¹⁸ *Ральф Тейт* (1840–1901) – британский и австралийский ботаник, зоолог, геолог и палеонтолог (*Ред.*).

¹⁹ *Джон Фредерик Блейк* (1839–1906) – британский геолог и палеонтолог, а также священник англиканской церкви (*Ред.*).

²⁰ *Tate R., Blake J.F.* The Yorkshire Lias. – L.: John van Voorst, 1876. – 475+XII p. (*Ред.*).

Изображение чайки *Pomerine Skua* из книги У. Яррелла «История британских птиц»

Мой друг, профессор Джадд²¹, ныне президент Геологического общества, предложил мне другое, более доброжелательное объяснение задержки рассматриваемой публикации. В те дни публиковалось меньше статей, чем сейчас, и тома ин-кварто «Геологических трудов» появлялись нерегулярно. Отсюда и возможность того, что мои мемуары могли быть зачитаны в течение такого промежутка времени между публикациями двух томов и были вынуждены ждать, пока очередной том будет готов к печати.

Позднее я применил тот же метод исследования к породам, расположенным в серии еще выше, а именно: к корнбрашу, породам келловея и оксфордской глине. Это исследование и его результаты были воплощены в третьем мемуаре, зачитанном 4 мая 1838 года и опубликованном в «Трудах» вскоре после того. Последующими исследованиями был установлен тот факт, что очень тонкие зоны стратифицированных пород часто идентифицируются по наличию даже одного ископаемого, и такие горизонтальные зоны теперь признаны как имеющие большую практическую ценность.

Во время моего обучения медицине отец мой и я приобрели значительные познания о птицах и насекомых Восточного Йоркшира. В последней области исследований мы сделали одно счастливое открытие. Мы нашли экземпляр неизвестного нам жука и не смогли определить его назва-

²¹ Джон Уэсли Джадд (1840–1916) – британский геолог, профессор Королевской Горной школы. В 1886–1888 годах был президентом Лондонского геологического общества (Ред.).

ние, пока не обнаружили в книге Кёртиса²² «Британская энтомология», на таблице 6, рисунок и описание нашего насекомого. Это оказалась *Nebria livida*. Автор утверждал, что чрезвычайно малое количество – я думаю, три или четыре отдельных экземпляра – были собраны на побережье Линкольншира. Мы так и не смогли сделать повторную находку там, где мы обнаружили наш единственный экземпляр. Через долгое время после этого мы работали среди пород корнбраша, которые, упав с вершины обрывистого утеса, покрывали в значительном количестве песчаный берег юго-восточной оконечности Северного залива Скарборо. При переворачивании одного из таких обломков, мой глаз быстро обнаружил *Nebria*, выбегавшую из вдавленного песка, на котором покоился камень. Овладев своим трофеем, я быстро подошел к отцу и показал ему пойманное мною сокровище. Тогда мы вспомнили, что это было то самое место, где мы заполучили наш первоначальный экземпляр. Это было задолго до того, как были обнаружены другие места, в которых это насекомое можно найти в любом количестве; и с тех пор оно вновь появлялось у нас каждое лето, и пока мост и набережная не разрушили эту точку, мы могли удовлетворять все нужды наших друзей-энтомологов.

В другой раз мы поплыли в лодке вместе с одним из друзей, чтобы добыть образцы «крачек», или морских ласточек, которые обитали в заливе. Занятые таким образом, мы заметили среди крачек двух или трех чаек *Skua*. Чайки *Skua* – это птицы, которые сами рыбу не ловят, но смешиваются с другими, занимающимися ловлей; и когда одна из последних добывается успеха, *Skua* немедленно бросается за ней в погоню и заставляет выпустить свою добычу, которую *Skua* ловит прежде, чем она достигает воды. Но застрелив одного из этих морских пиратов, не удалось отождествить его ни с одной из известных форм арктических птиц. И лишь дальнейшее изучение показало, что это новый вид рода, теперь известный как *Pomerine Skua*.

²² Джон Кёртис (1791–1862) – британский энтомолог. Его многотомное издание «Британская энтомология: иллюстрации и описания родов насекомых, найденных в Великобритании и Ирландии», снабженное его собственноручными цветными рисунками, представляет собой лучшее издание XIX века на эту тему. Ж. Кювье считал эту работу «образцом совершенства» (Ред.).

(Продолжение следует)